

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-17>

УДК 339.13:378

JEL F 630, J 25

Е. В. Пономаренко ^{а)} , Е. Д. Фролова ^{б)} ✉, В. С. Беляева ^{б)}

^{а)} Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

^{б, в)} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Компаративный анализ интернационализации университетов регионов мира в условиях смены глобального мирового лидера¹

Аннотация. Поскольку в основе формирования новой архитектуры многополярного мира лежит конкурентная борьба стран за экономическое лидерство, которое обеспечивают высококвалифицированные кадры, сфера высшего образования трансформируется под влиянием этого тренда. Усиливается международная конкуренция университетов за привлечение в свою страну лучших студентов. Цель статьи: выявить факторы, ведущие к изменению позиций университетов регионов мира в условиях смены глобального мирового лидера, выработать рекомендации для российских вузов по укреплению позиций на мировом образовательном рынке. Основу методологии составили концепция исторических циклов разной длительности, ведущих к смене глобальных лидеров, современная трактовка интернационализации высшего образования как всеобъемлющего многокомпонентного процесса, взамен ранее доминирующей фрагментации. Первый блок исследует проблему смены мирового лидера, во втором выявляются изменения в сфере интернационализации высшего образования в ключевых регионах мира, в третьем предложена оценка интернационализации университетов регионов мира как базы нового рейтинга и самооценки вузов. Подтверждена гипотеза о совпадении общемирового тренда смены глобального лидера и места национальных университетов в международных рейтингах. Для оценки динамики тренда предложен авторский многокомпонентный индекс интернационализации высшего образования страны и университетов. Выявлено, что Китай, претендующий на роль глобального лидера, увеличил долю на образовательном рынке и более чем в 1,5 раза нарастил объемы импорта, т. е. направление своих студентов в лучшие вузы мира с высоким рейтингом, а США ослабили свои позиции. Российские университеты занимают средние места в рейтингах, несмотря на рост доли страны на мировом образовательном рынке. Предложенные для российских университетов рекомендации и вариант проведения ими самооценки, будут полезны специалистам по стратегическому развитию.

Ключевые слова: глобальный лидер, технологическое лидерство, интернационализация, высшее образование, университет мирового уровня, рейтинг вузов, компаративный анализ, Россия, Китай, США

Для цитирования: Пономаренко, Е. В., Фролова, Е. Д., Беляева, В. С. (2024). Компаративный анализ интернационализации университетов регионов мира в условиях смены глобального мирового лидера. *Экономика региона*, 20(1), 248-262. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-17>

¹ © Пономаренко Е. В., Фролова Е. Д., Беляева В. С. Текст. 2024.

RESEARCH ARTICLE

Elena V. Ponomarenko ^{a)} , Elena D. Frolova ^{b)} , Victoria S. Beliaeva ^{c)} ^{a)} RUDN University, Moscow, Russian Federation^{b, c)} Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

Comparative Analysis of University Internationalisation Considering Changes in World Leaders

Abstract. Qualified personnel plays an important role in the competition between countries for economic leadership that enables the transition to a multipolar world. In this context, the higher education sphere is changing; universities worldwide are increasingly striving to attract the best students to their country. The study aims to identify factors causing changes in the position of universities in world regions and develop recommendations for Russian universities to strengthen their positions in the global education market. The methodology relies on the concept of different historical cycles leading to changes in world leaders. The article offers a contemporary interpretation of higher education internationalisation as a multidimensional process instead of fragmentation. The first section explores the issue of changing the world leader; the second identifies transformations in higher education internationalisation in key world regions; the third assesses university internationalisation as a basis for new rankings and self-assessment. A hypothesis about the correlation between the trend of changing global leaders and the place of national universities in international rankings is confirmed. To assess the trend dynamics, the article proposes authors' multidimensional indices of higher education and university internationalisation for world countries. It is revealed that China, aspiring to be a world leader, has expanded its share in the education market and increased import volumes by more than 1.5 times, sending its students to high-ranking universities, while the USA has weakened its position. Russian universities occupy middle positions in rankings despite the growth of the country's share in the global education market. Recommendations offered to Russian universities and the option of their self-assessment can be used by strategic development professionals.

Keywords: world leader, technological leadership, internationalisation, higher education, world-class university, university rankings, comparative analysis, Russia, China, USA

For citation: Ponomarenko, E. V., Frolova, E. D., & Beliaeva, V. S. (2024). Comparative Analysis of University Internationalisation Considering Changes in World Leaders. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 20(1), 248-262. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-17>

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью решения совокупности проблем, первоочередной из которых является подготовка конкурентоспособных специалистов для национального и регионального рынков труда, ресурсного обеспечения технологического лидерства страны. Подготовку кадров, чем и занимается сфера высшего образования, важно осуществлять в соответствии с потребностями, сформированными новым этапом технологической революции, цифровизацией, сменой технологического уклада. В научных публикациях смена глобальных лидеров рассматривается в основном с политологической точки зрения (Ачария, 2018; Бейдина, 2017). Встречаются и экономические исследования (Гринин, 2012), но в них упор сделан на торговле, промышленности, а сектор высшего образования проигнорирован. При этом внутригосударственные документы России, нацеленные на проведение технологических преобразований в условиях масштабных санк-

ций против РФ, четко ставят задачу повышения конкурентоспособности российского образования и университетов¹.

Интернационализация университетов здесь играет не просто актуальную роль, она усиливается: за последнее десятилетие удвоилось число иностранных студентов, растет число франчайзинговых операций, образовательных программ, филиалов кампусов и онлайн-курсов (Wit, 2020). Для понимания своего места в мировой образовательной среде нужна постоянная оценка международной конкурентоспособности вузов, в том числе российских. Поэтому важно оценить и ранжировать факторы, оказывающие влияние на процессы интернационализации в сфере высшего образования, сформировать приоритеты для рейтингования российских университетов. Актуальнейшей является задача выбора

¹ Паспорт федерального проекта «Экспорт образования». https://www.gubkin.ru/education-2019/base_doc/5_fed_projects.pdf (дата обращения: 11.04.2023).

вектора межвузовского взаимодействия в условиях, когда сотрудничество с европейскими и американскими университетами сократилось (было приостановлено) из-за введения санкций против России. Задача укрепления позиций России на мировом образовательном рынке с учетом действия новых факторов, «разворот» в сторону новых центров силы стоит в разряде приоритетных.

Теоретические основы исследования

Теория мировой экономики о лидерстве в глобальном мире и факторах технологического лидерства

Сегодня мир находится на пути формирования нового миропорядка. Переход от однополярного к многополюсному миру сопровождается созданием новых центров силы всех сферах деятельности, в т. ч. в секторе высшего образования. Подчеркнем, что смена стран-лидеров происходила на протяжении всей истории развития человечества и является предметом исследования как российских экономистов (Волошина, 2022), так и зарубежных ученых (Braudel, 1984; Бродель, 2022). В соответствии с вековыми трендами, выделенными знаменитым французским исследователем Ф. Броделем, на разных исторических этапах доминировали, каждая в свое время, Италия, Голландия, Англия. Сейчас мы находимся на финише понижательной волны четвертого тренда с центром США, который завершится к 2040–2050 гг. С 2022 г. происходит наложение нескольких кризисов одного на другой (в т. ч. экономического, вызванного мировой пандемией, и энергетического), и видна активизация процессов смены мирового лидера в рамках этих вековых трендов в 150–200 лет.

Особенностью текущего периода является то, что сегодня создание центров экономического влияния происходит на фоне формирования нового «технологического базиса» (Ленчук, 2021), или, в другой терминологии, смены «техноэкономической парадигмы» (Мальцев, 2022), «технологических укладов» (Бодрунов & Глазьев, 2023). Причем трамплином для взлета являются «трансформационные инновации» (Волошина, 2022) или «прорывные технологические новшества» (Мальцев, 2022; Held et al., 1999). Именно они формируют технологическое лидерство страны, которое лежит в основе смены сложившегося миропорядка. В связи с этим встает вопрос о факторах такого лидерства. Ответ на этот вопрос может дать страновой анализ фактической ситуации. Если

в начале двухтысячных годов ученые (Гринин, 2012) полагали, что при неизбежной смене мирового лидера новым может стать коллегиальный орган развитых стран (G-7, G-20), то сегодня они склоняются к тому, что это будет КНР (Бейдина, 2017; Волошина, 2022). Обобщим факторы, за счет которых Китай идет к технологическому лидерству (табл. 1).

Из приведенных данных следует, что технологическое доминирование обеспечивают не только финансовые и организационные ресурсы, но, в первую очередь, те, которые определяют развитие человеческого капитала. Китайские ученые видят успех развития своей страны в одновременном проведении реформ во всех трех системах — социальной, политической и образовательной (Oupeniran & Uwamahoro, 2017), одна из целей последней состоит в повышении технологических знаний населения. Важность обеспечения научными и инженерными кадрами подчеркивают и российские ученые (Лебедева & Аксенов, 2022).

Таким образом, ключевыми факторами формирования новой архитектуры мира с новым глобальным лидером являются конкуренция в сфере прорывных технологий и пул квалифицированных кадров, готовить которые призвано конкурентное высшее образование. Это возможно только в университетах с высоким местом в международных рейтингах, причем встроенных в тройственный союз с бизнесом и государством: если в индустриальной экономике речь шла о двойственной связи «государство — бизнес», то в экономике знаний действует концепция «тройной спирали» «университет — бизнес — государство» (Etzkowitz & Dzisah, 2008).

Концептуализация сущности интернационализации высшего образования и университетов и ее факторов

В современной глобальной экономике, когда система генерации знаний, предполагающая обмен новыми компетенциями и информацией, должна быть открытой, интернационализация объективно становится ведущей тенденцией высшего образования, ключевым фактором изменений в образовательных системах всех стран (Wit, 2020). Несмотря на большое число исследований интернационализации как ВО (Асмятуллин, 2022; Береговая & Кудашов, 2019), так и университетов (Аржанова, 2011; Стукалова и др., 2016; Douglass, 2014; Millot, 2015), ее содержание нельзя признать устоявшимся и требуется его актуализация. В первую очередь это вызвано

Таблица 1

Факторы, приведшие страны к технологическому лидерству: сравнительный анализ США и КНР

Table 1

Factors that led countries to technological leadership: USA-China comparison

Группа	США	Китай
1 — факторы, которые Китай перенял у США	Стимулирование распространения знаний; 1-е место в мире по затратам на НИОКР, научным публикациям, уровню высшего образования среди ТОП-500 вузов мира; облегчение доступа к высшему образованию (подготовка научно-технических кадров) на основе решений правительства; организация перетока знаний из вузов на предприятия на основе создания инновационной экосистемы; совершенствование патентного законодательства; привлечение талантливых зарубежных преподавателей; создание особых зон, в т. ч. Силиконовой долины	Внедрение международного опыта НИОКР; 2-е место в мире по затратам на НИОКР (2,1 % ВВП в 2022 и 3 % к 2025) г.; первое — по числу патентов, публикаций, 5-е место в топ-500 вузов мира; создание многоканального финансирования НИОКР; возвращение в Китай из-за рубежа крупных ученых, привлечение иностранных исследователей; создание технопарков на основе изучения опыта особых зон; совершенствование патентного законодательства; создание программы подготовки собственных высококвалифицированных кадров, привлечения научных талантов из-за рубежа
2 — факторы, которые страны развивают параллельно	концентрация на ИКТ, цифровых технологиях (искусственный интеллект), больших данных, облачных вычислениях, блокчейн; развитие аэрокосмической сферы, но США — для сохранения доминирования, а Китай — для обгона и обеспечения лидерства; снижение зависимости от зарубежных поставок компонентов, от технологического импорта, в т. ч. в цепочках стоимости	
3 — факторы, упущенные США, но взятые КНР	сокращение госрасходов на НИОКР за счет передачи их части бизнесу	беспрецедентная мобилизация ресурсов на развитие науки и техники из всех источников

Составлено авторами по: (Волошина, 2022); Китай: вчера, сегодня, завтра. Сборник материалов заседания от 19.11.2022, Москва, с. 140–150. <http://rannks.ru/pubs/10597680> (дата обращения: 01.04.2023).

тем, что ранней стадии глобализации соответствовала «простая» интернационализация, «предполагающая чисто географический выход бизнес-активности за национальные границы» (Мальцев, 2022, с. 37). Интернационализация высшего образования тогда касалась отдельных фрагментов и аспектов международной деятельности вузов, как правило, обмена студентами. Нынешняя стадия мирового развития — это стадия «сложной» интернационализации, когда для производства финального продукта требуется сложное взаимодействие между участниками международного производства (Held et al., 1999). Международная деятельность университетов и тут составляет суть интернационализации высшего образования, но если ранее ее компоненты были разрознены, фрагментированы, то сейчас они взаимосвязаны, комплексно захватывают все аспекты научно-образовательного процесса (Wit, 2020; Altbach, 2015).

Подчеркнем, что новая роль университетов (нового поколения) конкретизирована в концепции «третьей миссии» Бертона Р. Кларка, идея которой заключается в добавлении к тра-

диционным задачам преподавания и проведения исследований еще и трансфера технологий и инноваций (цит. по: Vissema, 2016). Традиционные компоненты наполняются новым содержанием: с одной стороны, мобильность студентов остается частью общей картины интернационализации высшего образования, но и она перешла к сложным формам, например, увеличилось количество иностранных студентов, ищущих ученую степень, стала более жесткой конкуренция за талантливых иностранных студентов и ученых (de Wit, 2020).

Оценка интернационализации университетов опирается на определенный набор факторов, при формировании которого необходимо соблюдать ряд правил. Во-первых, совокупность показателей для оценивания должна отражать глубокое понимание устройства всей системы ВО (Millot, 2015). Во-вторых, развитие любой системы, как подчеркивает Г. Клейнер (Клейнер, 2020), можно описать базовым набором факторов, но на разных ее периодах доминируют разные факторы из этого базового набора. Развитие системы, как известно, осуществляется путем перехода от одного ее цен-

ностного уровня к другому (с более сложной системой ценностей). Поскольку стимулом перехода от одного ценностного уровня к другому является, по его мнению, необходимость решения новых задач, встающих перед системой, то они и определяют эти доминирующие факторы. Современная концепция интернационализации эту ценность для системы высшего образования формулирует как служение обществу (Wit, 2020; Altbach, 2015), добавляя ее к таким базовым функциям, как образование и научные исследования. Это проявляется, во-первых, в подходе к интернационализации высшего образования как к экспорту и импорту знаний (а не только образовательных услуг) (Береговая & Кудашов, 2019), во-вторых, в отходе от трактовки высшего образования как индустрии по торговле коммерческими услугами и повышению внимания государства к обучению студентов как источнику роста человеческого капитала нации (конкретизируется через долю государственного финансирования, через стимулирование выхода высших учебных заведений на международный уровень).

Среди базовых факторов в современных условиях ученые, как и ранее, единогласно называют финансовый, то есть доход от оказания (экспорта) образовательных услуг (Асмятуллин, 2022; Стукалова и др., 2016) и НИР. В группу доминирующих переходит такой фактор, как репутация университета, ученые объясняют это превращением международного образования в один из видов индустрии (Wit, 2020), где репутационный фактор является ключевым. Поскольку интернационализация сектора высшего образования находится в русле общемировых тенденций, основной из которых является технологическое лидерство, актуальным ее фактором становится внедренческая деятельность, особенно по стартапам, наряду с фактором публикационной активности.

Безусловно, что такое направление исследований, как оценивание (рейтингование) университетов по факторам, должно развиваться в направлении отражения цифровизации высшего образования (Павлов & Защитина, 2020), что делает актуальным учет таких показателей, как количество онлайн-курсов, размещенных на онлайн-платформах, количество подписчиков в социальных сетях вуза и т. д. (назовем этот фактор прозрачностью).

Обобщая изложенное, а также используя итоги проведенного нами анкетирования (интервьюирования) ведущих специалистов в области высшего образования, основными по-

казателями, раскрывающими суть указанных выше факторов, мы определили следующие: финансовые ресурсы (доходы от обучающихся и от исследовательской деятельности, взносы в эндаумент фонд и др.), международное взаимодействие (количество программ на английском языке, количество иностранных студентов и др.), репутация университета (количество программ, прошедших международную аккредитацию, репутация среди работодателей и др.), конкурентоспособность студентов (количество побед обучающихся на олимпиадах, средний балл вступительных испытаний и др.), прозрачность (количество онлайн-курсов, размещенных на онлайн-платформах, количество подписчиков в социальных сетях вуза), внедренческая деятельность и публикационная активность (число публикаций на одного человека, в т. ч. в базе Scopus и WoS, число стартапов, патентов и др.), уровень развития инфраструктуры кампуса (количество общежитий, спортплощадок, медчасти и т. д.). В условиях применения к России «мягких санкций» (практически исключения страны из международных рейтингов), расчет авторского индекса интернационализации может быть использован в качестве основы для новой оценки и, в первую очередь, для самооценки российских вузов.

Рейтинги международного признания университетов как индикаторы их конкурентоспособности

Международные рейтинги университетов, по мнению Б. Милота, являются одной из наиболее обсуждаемых тем, связанных с высшим образованием (Millot, 2015). Проблема рейтингования вузов нашла свое отражение в научных трудах и зарубежных ученых (Douglass, 2014; Altbach, 2015; Millot, 2015), и отечественных исследователей (Аржанова, 2016; Стукалова и др., 2016). Обобщая их точки зрения, мы пришли к выводам. Во-первых, они единодушны в том, что основная цель участия вузов в рейтингах мира — это привлечение иностранных абитуриентов, которые в своем выборе ориентируются на место вуза в рейтинге (отличаются позиции ученых лишь набором показателей). Во-вторых, четко видна точка зрения, предполагающая, что развитие интернационализации передовых университетов, в т. ч. российских, подстраивается к трендам мирового развития и синхронизируется с ними в зависимости от международных требований к компетенциям и качеству подготовки кадров. Мы разделяем эту точку зрения, но считаем, что универ-

ситет должен работать на опережение и предвидение, т. е. скорость изменения интернационализации университетов должна опережать темпы глобализации в силу высокой планки требований к кадрам для глобальной и национальной экономик, вызванных изначальной востребованностью навыков коммуникации в любой среде и знанием передовых цифровых технологий.

В наиболее известных и «раскрученных» международных рейтингах университетов (QS, THE) всегда доминировали, то есть находились в первой сотне, американские университеты, совсем немного — английские. В последнее десятилетие туда «прорвались» единичные европейские (в т. ч. французские, швейцарские). Мы уверены, что именно поэтому появился отличный от англосаксонских Шанхайский рейтинг (ARWU) международного признания университетов, который разработан на основе отличающихся, преимущественно исследовательских, критериев (число выпускников и сотрудников — лауреатов Нобелевской и Филдсовской премий, индексы цитирования и т. п.). Отметим, что в основу концепции «Глобального исследовательского университета» С. Марджинсоном также заложена синергия исследований и обучения (Marginson & Rhoades, 2002). Отрадно, что прочно закрепился на образовательном пространстве рейтинг «Три миссии университетов» MosIUR, разработанный в России.

Несмотря на то, что базовые образовательные показатели любого рейтинга совпадают, каждый из них имеет свои специфические черты. Например, основное внимание в английском рейтинге QS уделяется соотношению иностранных студентов и преподавателей, а также мнению академического сообщества и работодателей о вузе¹. А вот в так называемом независимом рейтинге THE² хотя и учитывается доля иностранных студентов и ППС, однако большие баллы отдаются цитируемости научных работ при акценте на технические и естественнонаучные специальности. Престижные международные награды преподавателей и выпускников, академическая репутация, качество и число исследований, научная инфраструктура вузов находятся в приори-

тете в Шанхайском рейтинге ARWU³ (при этом репутация среди работодателей не учитывается). В рамках рейтинга MosIUR отслеживается взаимодействие в интернет-поле, чего нет в вышеуказанных рейтингах⁴.

Для российских вузов в связи с исключением России из некоторых рейтингов (так называемые мягкие санкции) и поворотом интересов страны на Восток актуальным является участие в Шанхайском рейтинге, на первом месте в котором находятся показатели по научным достижениям и их коммерциализации. Участие вузов страны в рейтингах необходимо. Во-первых, система (в данном случае национальная система высшего образования) не может оставаться конкурентной, если она не сравнивает себя с другими, и здесь ведущая роль принадлежит сравнительному анализу. Во-вторых, России необходимо не только продвигаться на мировом образовательном рынке к высшим позициям за счет наращивания объема экспорта образовательных услуг, но и не проиграть главную гонку за технологический суверенитет. В этой связи появляется необходимость в создании методики, показатели которой наиболее эффективны для корректной оценки и адаптированы к современному этапу интернационализации университетов России.

Данные и методы

При проведении исследования на уровне стран и регионов были использованы данные общепризнанных отчетов ОЭСР⁵, которые включают такие позиции, как «количество человек, получающих высшее образование», «регионы — импортеры (экспортеры) иностранных студентов», а также «число обучающихся иностранных студентов». В отличие от распространенной оценки места страны на мировом образовательном рынке только по одному этому показателю, авторское исследование проведено на основе расширенного индекса интернационализации (I_{ic}), основанного на базовом индексе ЮНКТАД и адаптированного нами к сфере высшего образования (табл. 2, формула (1)).

³ Международный академический рейтинг (ARWU). <http://www.shanghairanking.com/index.html> (дата обращения: 11.04.1923).

⁴ Рейтинг «Три миссии». <https://mosiur.org> (дата обращения: 11.04.2023).

⁵ OECD Internationalisation and Trade in Higher Education: Opportunities and Challenges, OECD Publishing, Paris, 2004. <https://doi.org/10.1787/9789264015067-en> (дата обращения: 11.04.2023).

¹ Международный рейтинг QS. <https://www.topuniversities.com> (дата обращения: 11.04.1923).

² Международный рейтинг Times Higher Education (THE). <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings> (дата обращения: 11.04.1923).

Авторские индексы интернационализации высшего образования и университета

Table 2

Authors' indices of higher education and university internationalisation

Название	Формула	Компоненты формулы
Расширенный индекс интернационализации страны ВО (I_{ic})	$I_{ic} = \left(\frac{E_c}{E} + \frac{I_c}{I} + \frac{S_c + S_o}{S} \right) / 4 \quad (1)$	E_c / E — доля объема экспорта образовательных услуг (ОУ) страны в общем объеме экспорта страны; I_c / I — доля объема импорта ОУ страны в общем объеме импорта; $(S_c + S_o)$ — суммарное количество студентов, участвующих во входящей и исходящей мобильности; S — общее количество студентов
Индекс интернационализации университета ($I_{ик}$)	$I_{ин} = \frac{I_m + I_\phi + I_p + I_k + I_\tau + I_\pi + I_{инф}}{7} \quad (2)$	$I_{m-инф}$ — соответственно значение $i-k$ -факторов «международное взаимодействие», «финансовые ресурсы», «репутация университета», «конкурентоспособность студентов», «транспарентность», «публикационная активность», «инфраструктура кампуса»

Систематизировано по: (Беляева, 2022).

На уровне университетов оценка уровня их интернационализации была выполнена на основе авторского индекса ($I_{ик}$) (формула (2) в табл. 2), базирующегося на приведенных выше факторах (финансовые ресурсы, международное взаимодействие, репутация университета, уровень развития инфраструктуры кампуса, конкурентоспособность студентов, внедренческая и публикационная деятельность, транспарентность). Этот индекс построен нами путем группировки выявленных факторов в семь блоков, каждый из которых является компонентом формулы.

Для интерпретации результатов расчета индексов следует придерживаться следующих положений: несмотря на то, что в расширенном индексе интернационализации присутствуют показатели, отражающие разнонаправленные процессы, более высокий индекс показывает и более высокий уровень интеграции страны в мировую экономику (в сфере высшего образования); однако он может снижаться и при росте числа иностранных студентов, так как, во-первых, стоимостной показатель зависит от цен на образовательные услуги, а во-вторых, от общего объема экспорта и импорта страны. Что касается индекса интернационализации университета, то его более высокое значение характеризует более высокую конкурентоспособность и, соответственно, место в рейтинге.

Для оценки разворота вектора интернационализации в сфере высшего образования мы использовали авторский индекс ориентированности ($I_{оп}$). Он представляет собой сумму значений по четырем компонентам: доля числа прибывших студентов из i -й страны в общем числе иностранных студентов, обуча-

ющихся в анализируемой стране; то же по количеству филиалов университета, по количеству культурных представительств и по сетевым программам (подробное обоснование индекса представлено нами в (Беляева, 2022)). Более высокое значение индекса по i -й стране по сравнению с j -й страной говорит о повороте вектора интернационализации в сторону i -й страны. Возможно использование и среднего арифметического значения.

В разных индексах использованы данные за различные годы, в целом с 2010 г. по 2022 г. Выборка составила 32 университета мира, которые представляют разные регионы мира: университеты США, представляющие неформальную организацию «Лига плюща», вузы Западной Европы, КНР и Японии как наиболее успешные участники программ повышения конкурентоспособности их стран, 15 российских университетов, отобранные для участия в программе повышения конкурентоспособности «5–100», завершившейся в 2020 г.

Для сравнения с РФ были выбраны такие страны, как США (прежний глобальный мировой лидер), Китай (формирующийся новый глобальный лидер), Германия и Франция (традиционные лидеры рынка ВО с новой моделью бесплатного высшего образования в госуниверситетах для всех).

Сопоставление результатов в рамках сравнительного анализа позволяет установить страны (а также регионы мира) — лидеры в сфере высшего образования, выявить факторы, оказывающие ключевое влияние на процесс его интернационализации. Кроме того, такой анализ способствует выявлению лучших практик стран-лидеров для их применения в национальной эконо-

мике, чтобы не допустить отставания от лидеров и участвовать в формировании новых правил и стандартов.

Результаты исследования **Общая картина смены** **глобального мирового лидера**

В рамках исследования динамики общемировой трансформации мы получили следующие результаты. В настоящее время мировым технологическим лидером остаются США, однако их позиции серьезно подорваны, в первую очередь, амбициозными планами Китая стать мировым технологическим лидером в ближайшее десятилетие. Выполнив показатели инновационного развития 13-й пятилетки, Китай стремительно приближается к статусу лучшей инновационной экономики мира. За период с 2016–2020 гг. страна поднялась с 25-го на 14-е место, а в отчете Глобального индекса инноваций за 2019 г. КНР получила общий балл 54,82 из 100 с самыми высокими рангами по таким компонентам, как патенты по происхождению, промышленный дизайн и товарные знаки, экспорт высокотехнологичных и креативных товаров.¹

Лидерство Китая ученые обосновывают следующим (Андреева и др., 2019; Бейдина, 2017; Волошина, 2022; Гринин, 2012; Лебедева & Аксенов, 2022):

— уже в самом начале пути к лидерству инновационное развитие КНР осуществлялось за счет привлечения в страну иностранных фирм с новейшими технологиями;

— параллельно страна вкладывалась в наиболее технологичные зарубежные компании, стартапы и стратегическую инфраструктуру (порты, танкеры, логистические компании и т. п.), например, к концу 2019 г. на развитие страны (ЕС и Швейцарии) пришлось практически 98 % китайских прямых инвестиций;

— одновременно Китай наращивал усилия по развитию собственной науки, системы образования и внедрения инноваций;

— в условиях новой технологической революции и цифровой трансформации Китай изначально включился в борьбу за глобальное перераспределение мировых экономических сил, причем это перераспределение является узловым центром в цепочках определения добавленной стоимости, образуя сети по сотрудничеству с другими странами в сфере поставок

промежуточных товаров для производства конечной высокотехнологичной продукции.

Сюда же добавим и программу «Сделано в Китае 2025» (принята в 2015 г.) по превращению КНР к 2025 г. в мирового лидера в высокотехнологичных отраслях на основе модернизации десяти стратегических секторов (новые информационные технологии, инструменты числового управления, аэрокосмос, высокотехнологичные суда, энергосберегающие технологии, новые материалы, силовое, сельскохозяйственное, медицинское оборудование).² Как итог, КНР демонстрирует устойчивое продвижение вперед.

Не все ученые разделяют неоспоримость доминирования Китая (Гринин, 2012). Тем не менее, КНР уже провозгласил намерение стать технологическим лидером в ближайшее десятилетие. Россия, заявив о стратегии «полноправного вхождения в число стран-глобальных лидеров»³, идет своим путем. Полагаем, что это путь не импортозамещения, а обеспечения технологического суверенитета.

Общая тенденция изменения мирового **лидера и направление интернационализации** **высшего образования**

Картина мира в области высшего образования, в соответствии с таким самым распространенным показателем, как «число иностранных студентов», не демонстрирует яркую смену лидера (рис. 1). США остаются лидером, но доля страны существенно снижается при росте доли Китая, который стремительно ворвался на мировой рынок высшего образования.

В рамках исследования динамики по расширенному авторскому индексу интернационализации высшего образования страны мы получили данные (табл. 3), которые позволяют констатировать, что практически для всех стран произошло снижение уровня его интернационализации.

Мы можем это объяснить на основе анализа стоимостных компонент индекса (формула (1)), а именно:

— в США объем импорта образовательных услуг остался неизменным, но возрос общий объем импорта в стране, а значит, доля сектора ВО уменьшилась (кстати, данные, представленные на рисунке 1, также подтверж-

¹ Китай: вчера, сегодня, завтра. Сборник материалы заседания 19.11.2022, АРБ, НКС ООН РАН. <http://raneks.ru/pubs/10597680> (дата обращения: 11.04.1923).

² Made in China 2025. Institute for Security & Development Policy 2018. <https://isdsp.eu/content/uploads/2018/06/Made-in-China-Backgrounder.pdf> (дата обращения: 11.04.1923).

³ Доклад Российской академии наук «О реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации». Москва: РАН, 2021.

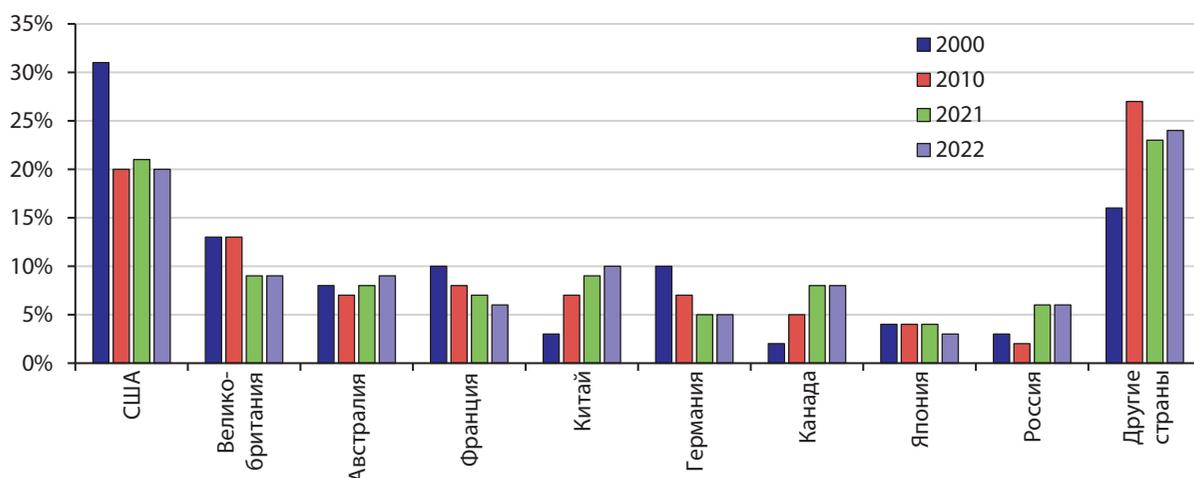

Рис. 1. Доли стран на мировом рынке образования по числу иностранных обучающихся в 2000, 2010, 2021, 2022 гг. (источник: составлено и рассчитано авторами по данным статистической базы OECD. Education at a glance. 2002, 2012, 2023. https://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2023_e13bef63-en (дата обращения: 14.02.2024))

Fig. 1. Share of countries in the global education market by the number of foreign students in 2000, 2010, 2021 and 2022

Изменение комплексного индекса интернационализации

Таблица 3

Changes in the multidimensional internationalisation index

Table 3

Год	Комплексный индекс интернационализации по странам						
	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Япония	Казахстан
2015	13,6	4,7	9,4	6,3	15,4	6,7	1,5
2020	11,6	3,2	5,8	5,6	14,5	6,1	1,4
2022	10,9	3,9	5,6	5,1	14,2	5,7	1,5

Источник: рассчитано авторами по формуле (1).

Индекс ориентированности образовательных услуг Свердловской области

Таблица 4

Index of education services orientation of Sverdlovsk oblast

Table 4

Год	Индекс ориентированности образовательных услуг, %				
	Китай	Казахстан	Киргизия	Германия	Италия
2010	73,5	65,2	43,6	21,2	12,3
2022	98	78	53,8	9,2	7,8

Источник: рассчитано авторами по данным отчетных документов.

дает снижение уровня интернационализации по показателю «число иностранных обучающихся»); снижение объемов импорта образо-

вательных услуг вызвало уменьшение индекса и в Германии (снижение также по рис. 1);

— Китай остался верен своей стратегии в направлении студентов для обучения в зарубежные университеты и существенно нарастил объем импорта образовательных услуг; однако объем их экспорта уменьшился, что повлекло снижение комплексного индекса интернационализации;

— причинами снижения индекса в России и Франции является одновременное существенное снижение объемов импорта и незначительное снижение экспорта образовательных услуг.

По итогам расчета индекса ориентированности (на примере Свердловской области), выявлен значительный поворот ориентированности на китайский рынок (табл. 4).

Данные таблицы резюмируют, что индекс ориентированности высшего образования Свердловской области на Германию к 2022 г. упал в 2 раза, чуть меньше на Италию, в то же время индекс на ориентированности на Китай вырос в 1,3 раза. В целом, по итогам расчета выявлен значительный поворот на китайский рынок и рынки Центральной Азии.

Сравнительная оценка уровня интернационализации университетов по регионам мира

На основе авторского индекса интернационализации университетов (формула (2)) по каждому университету анализируемой выборки был рассчитан индекс, получено распределение университетов по группам, которое можно рассматривать как рейтинг:

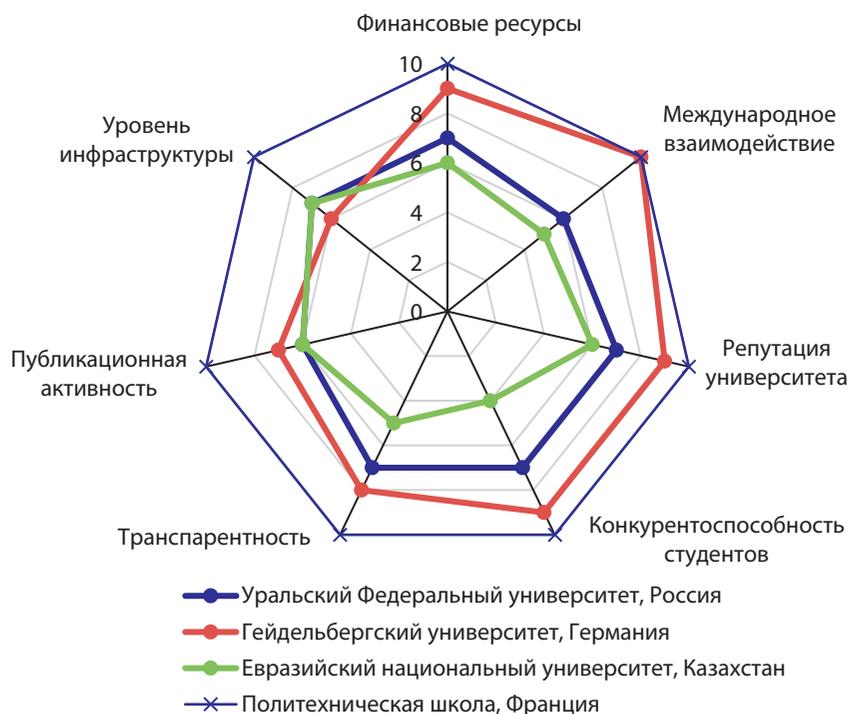

Рис. 2. Многоугольник конкурентоспособности некоторых российских и зарубежных университетов в разрезе факторов интернационализации (источник: составлено авторами по итогам анкетирования и интервьюирования, по данным сайтов: Политехническая школа (Париж). <https://www.polytechnique.edu/>; Гейдельбергский университет. Режим доступа: <https://www.uni-heidelberg.de/en/>; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ). www.urfu.ru (дата обращения: 11.04.2023))

Fig. 2. Competitiveness polygon of some Russian and foreign universities in the context of internationalisation factors

— в первую (высшую) группу с индексом ($I_{ик}$) в интервале 94,7–149,8 вошли 9 вузов, в т. ч. Гарвардский университет, Пенсильванский университет ($I_{ик} = 149$), Политехническая школа (Париж) ($I_{ик} = 109$);

— во вторую группу с индексом ($I_{ик}$) в интервале 58,2–77,2 вошли 10 университетов, в т. ч. Пекинский университет, Гейдельбергский университет ($I_{ик} = 70,2$), Университет Токио;

— в третью группу с индексом ($I_{ик}$) в интервале 29,9–53,5 вошли 14 университетов (почти все РФ), в т. ч. Уральский федеральный университет.

Университеты с индексом ниже 29,9 сформировали четвертую группу. В нее, например, вошел Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева.

Уровень интернационализации представитель каждой из групп в разрезе компонентов индекса представлен на рисунке 2 в формате многоугольника конкурентоспособности. Анализ демонстрирует разницу в уровне факторов интернационализации университетов, базирующихся в разных группах. Например, представитель высшей группы, университет из Франции, обладает максимальным баллом, в то время как член четвертой группы — университет из Казахстана, показывает более низкие баллы.

Для выявления причин столь низких показателей нами был проведен SWOT-анализ Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (Республика Казахстан). При безусловных сильных сторонах, таких как узнаваемость университета на международном и республиканском уровнях, реализация широкого перечня образовательных программ, имеющих международную аккредитацию, наличие развитых научных школ мирового и республиканского уровня, слабые стороны повлияли на более низкую по сравнению с университетами из других стран позицию этого университета. Наиболее уязвимы такие элементы, как недостаточное количество сквозных образовательных программ на английском языке, результативность НИОКР, низкая эффективность механизмов коммерциализации результатов исследований, недостаточная привлекательность образовательных программ для иностранных обучающихся.

Для сравнения: среди сильных сторон Уральского федерального университета на основе SWOT-анализа мы выявили высокий уровень его репутации и публикационной активности, востребованность выпускников на национальном и международном рынке труда. Основными слабыми сторонами являются дуб-

Изменение численности иностранных студентов в Уральском федеральном университете

Table 5

Changes in the number of foreign students at the Ural Federal University

Показатель	Значение показателя по годам							
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Численность иностранных студентов [*] , чел.	1 498	1 829	2 272	3 077	3 880	4 219	4 230	3376
Доля иностранных студентов [*] , %	5,6	6,7	8,1	10,8	13,1	14,0	13,9	8,7
Индекс роста	1,55	1,96	1,2	1,33	1,21	1,07	1,0	—
Справочно: объем средств от экспорта ОУ РФ ^{**} , млрд руб.	73,1	80,0 ^{**}	84,7	94	107,8	135,4	182,4	200

Источники: ^{*}Данные из мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций. https://monitoring.miscedu.ru/iam/2023/_vpo/inst.php?id=313 (дата обращения: 14.02.2024)); ^{**}Объем средств от экспорта ОУ РФ принят по Паспорту федерального проекта «Экспорт образования».

лирование направлений и профилей подготовки, недостаток специалистов со знанием иностранных языков, отток абитуриентов с высокими баллами в столичные вузы.

Укрепление сильных, снижение слабых сторон, несмотря на санкции, обеспечивают постоянный приток в вуз иностранных студентов, (табл. 5).

Данные, представленные в таблице, позволяют сделать вывод об опережающем вкладе УрФУ в выполнение проекта «Экспорт образования», поскольку индекс роста объема средств от экспорта образовательных услуг (ОУ) в 2021 г. к 2015 г. по проекту составил 2,15, а индекс роста иностранных студентов УрФУ за этот же период составил 2,82, однако в 2022 г. ситуация изменилась в связи с геополитическими процессами в мире.

Рекомендации по развитию международной деятельности российских университетов для повышения уровня их интернационализации

Первое. Одним из результатов деятельности университетов является место в международных и национальных рейтингах, которое для российских университетов поощряется государственными программами.

К сожалению, в последнем опубликованном международном рейтинге университетов QS-2024 университеты России существенно «просели» (на 70–100 позиций). МГУ им. М.В. Ломоносова, единственный оставшийся в первой сотне, занял 87-ю позицию, просев на 12 пунктов; СПбГУ — 270-е место (снижение на 45 позиций), МГТУ им. Баумана — на 319 позиции в мире (снизилась на 89), РУДН — на 342-м месте (снижение на 47 позиций) и т. п.¹ Западные

эксперты в 2023 г. не называют вузы России и Белоруссии ведущими, это связано с их падением в рейтинге. Таким образом, остро стоит задача укрепления позиций российских вузов, несмотря на международные санкции.

Предложенный индекс интернационализации университетов как раз и предлагает сформировать комплект мероприятий для их повышения по основным факторам:

— финансовые ресурсы — открытие филиалов в странах — реципиентах образовательных услуг от РФ, что позволит принимать бакалавров в магистратуру в РФ;

— инфраструктура — развитие университетского городка на основе концепции «умный город»;

— публикационная и внедренческая активность — ориентация системы стимулирования преподавателей на коммерциализацию инноваций, увеличение доступности грантов, создание минитехнопарков при поддержке бизнеса, в т. ч. на основе краудфандинга;

— для повышения привлекательности обучения в РФ рекомендуется разработка грантовых программ для обучающихся из дружественных стран, инициация совместных международных проектов.

Второе. Проведенное исследование выявило поворот мировых образовательных потоков на Восток (Центральную Азию). В контексте интернационализации как «международного взаимодействия» вузам необходимо сформировать отдельную лингвокультурную стратегию, усилить сотрудничество с университетами стран АТР, развить взаимодействие через сетевые университеты ШОС, БРИКС, СНГ. Учитывая потребность Китая в технологах, инженерах для прорывных отраслей, необходимо формировать программы подготовки специа-

¹ Топ-10 российских университетов в QS-2024. <https://www.topuniversities.com/university-rankings...> (дата обращения:

11.04.2023).

листов с учетом спроса на этих рынках будущих технологий.

Третье. Если по показателю «число иностранных студентов» Россия на мировом рынке образовательных услуг существенно не изменила свою долю, то комплексный индекс интернационализации показал большой спад по импорту. При этом Китай нарастил этот показатель для обеспечения технологического лидерства за счет направления студентов для обучения в зарубежные университеты, причем параллельно развивал программу их закрепления на родине после возвращения. России, на наш взгляд, необходимо фундаментально пересмотреть свою позицию и разработать концепцию этой составляющей интернационализации.

Четвертое. Сравнение своих результатов с достижениями международных конкурентов — это доказанный инструмент развития. На наш взгляд, назрела необходимость формирования национальной рейтинговой системы университетов на актуальной основе. Ранжирование вузов, проведение типологии на основе предложенного индекса интернационализации университетов может стать ее основой (Belyaeva & Frolova, 2021). Кроме того, подчеркнем важность проведения самооценки для отнесения своих университетов в соответствующую группу со схожими показателями и внутренними проблемами.

Пятое. Для мониторинга рекомендуем применять самооценку. По формуле (2), включающей предложенный набору компонент, российские университеты могут рассчитать индекс интернационализации. А затем по его значению определить, в какую группу они попали (к сожалению, апробация по ряду российских показала «попадание» в четвертую группу).

Заключение

В условиях происходящих политических, экономических и технологических трансформаций, которые ведут к смене глобального мирового лидера, именно высококвалифицированные специалисты играют ключевую роль в достижении целей технологического суверенитета, что резко повышает внимание к высшему образованию.

В результате проведенного исследования выявлено, что в основе формирования новых полюсов экономического притяжения (в лице новых стран-лидеров) лежит технологическое лидерство. Именно прохождение по этому пути позволяет Китаю претендовать на роль глобального мирового лидера в обо-

зримом будущем. Анализ интернационализации высшего образования показал снижение роли США, Европы и повышение роли азиатских стран.

Одним из факторов реализации Китаем стратегии лидерства является повышение уровня интернационализации высшего образования за счет импорта образовательных услуг, то есть направления студентов на обучение в зарубежные вузы для получения актуальных знаний. Квалифицированные кадры страны способны не только заимствовать технологические идеи, но и, возвращаясь, быстро их коммерциализировать.

В это же время, выступая как принимающая сторона, национальные университеты повышают свою привлекательность для иностранных студентов, то есть решают задачу приращения экспорта образовательных услуг. Основными факторами конкурентоспособности исследованных университетов из разных регионов мира из проанализированного набора, которые привели их к лидерству, являются международное взаимодействие, репутация университета и финансовые ресурсы.

Положенные в основу авторского индекса интернационализации университетов семь групп факторов доказали изменение позиций университетов в регионах мира. Подтвердилась выдвинутая гипотеза о совпадении общемирового тренда смены глобального лидера и изменений в сфере высшего образования, направленных на реализацию обеспечения технологического лидерства страны университетам — лидерам международных рейтингов.

Предложенная методика позволяет провести анализ деятельности университета по укрупненной группе факторов, затрагивающей все сферы деятельности высшего учебного заведения (что соответствует современной концепции интернационализации высшего образования), определить ориентированность интернационализации конкретного региона и, таким образом, выстроить стратегию развития университета во внешней среде с учетом текущих парадигм развития, влияния внешней и внутренней среды.

По компонентам авторского расширенного индекса интернационализации предложены рекомендации российским университетам для укрепления своих позиций и продолжения участия в международных академических рейтингах. Участие в международных рейтингах, использование лучших практик мировых университетов-лидеров позволит России стимулировать возвращение квалифицированных ка-

дров и уверенно обеспечить технологическое лидерство.

Большинство рейтингов фокусируются на отдельных университетах — университетах мирового уровня, игнорируя большинство существующих

в мире вузов, которые не могут на равных конкурировать с университетами мирового уровня (Millot, 2015). Предложенная система позволяет всем вузам провести самооценку и сравнению с передовыми университетами.

Список источников

- Андреева, Е. Л., Ратнер, А. В., Малышева, Е. В. (2019). Глобализация стандартов как фактор развития рынков будущего. *Российский внешнеэкономический вестник*, 6, 7-18.
- Аржанова, И. В. (2011). Рейтинг университетов: от механизма маркетинга к объективному ранжированию. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, 4, 98-109.
- Асмятуллин, Р. Р. (2022). *Мировой рынок образовательных услуг: тенденции и стратегии университетов*. Москва: РУДН.
- Ачария, А. (2018). Роль «Глобального Юга» в мультиплексном мире. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, 18(3), 701-705. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-701-705>
- Бейдина, Т. Е. (2017). Характеристика развития КНР как вероятного мирового лидера. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение*, 22, 165-170.
- Беляева, В. С. (2022). К вопросу об изменении вектора интернационализации высшего образования. *Международный научно-исследовательский журнал*, 12. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.126.73>
- Береговая, О. А., Кудашов, В. И. (2019). Интернационализация высшего образования в условиях глобализации. *Перспективы науки и образования*, 3(39), 31-43.
- Бодрунов, С. Д., Глазьев, С. Ю. (2023). *Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать*. Санкт-Петербург: ИНИР им. С. Ю. Витте, 239.
- Бродель, Ф. (2022). *Грамматика цивилизаций*. Москва: Альма Матер ИГ, 523.
- Волошина, А. В. (2022). Америко-китайские отношения и борьба за мировое технологическое лидерство. *США и Канада*, 8, 36-50. <https://doi.org/10.31857/S268667302208003X>
- Гринин, Л. Е. (2012). Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире. *Век глобализации*, 2. <https://www.socionauki.ru/journal/articles/147953/>
- Клейнер, Г. Б. (2020). Спиральная динамика, системные циклы и новые организационные модели: перламутровые предприятия. *Российский журнал менеджмента*, 18(4), 471-496. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2020.401>
- Лебедева, Л. Ф., Аксенов, П. А. (2022). Глобальное соперничество в новых технологических реалиях. *Международная торговля и торговая политика*, 8(2), 31-39. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2022-2-31-39>
- Ленчук, Е. Б. (2021). Россия в мировом процессе научно-технологического развития. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 14(4), 72-91. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-4-5>
- Мальцев, А. А. (2022). *Глобальные технико-экономические вызовы современности: риски и возможности для промышленности Урала*. Екатеринбург: Издательство «Альфа-Принт», 358.
- Павлов, П. В., Защитина, Е. К. (2020). Университет мирового уровня в эпоху цифровизации. *Вестник РУДН. Серия экономика*, 28(4), 681-699. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-681-699>
- Стукалова, И. Б., Манахов, С. В., Рыжакова, А. В., Селянская Г. Н., Стукалова, А. А. (2016). *Финансовое обеспечение конкурентоспособности российских вузов*. Москва: Русайнс.
- Altbach, P. G. (2015). Perspectives on internationalizing higher education. *International Higher Education*, 27, 6-8. <https://doi.org/10.6017/ihe.2002.27.6975>
- Beliaeva, V. S., & Frolova, E. D. (2021). From 'Candidates' to 'Grandmasters': internationalization strategies of universities. *R-Economy*, 7(4), 266-275. <https://doi.org/10.15826/recon.2021.7.4.023>
- Braudel, F. (1984). *Civilization and Capitalism, 15th-18th Century. Vol. III: The Perspective of the World*. New York: Harper & Row, 699.
- Douglass, J. A. (2014). *Profiling the Flagship University Model: An Exploratory Proposal for Change the Paradigm from Ranking to Relevancy*. Research & Occasional Paper Series, Centre for Studies in Higher Education, University of California, Berkeley.
- Etzkowitz, H., & Dzisah, J. (2008). Rethinking development: circulation in the triple helix. *Technology Analysis & Strategic Management*, 20(6), 653-666. <https://doi.org/10.1080/09537320802426309>
- Held, D., McGrew, A., Goldblatt, D., & Perraton, J. (2000). Global Transformations: Politics, Economics and Culture. In: C. Pierson, S. Torrey (Eds.), *Politics at the Edge. Political Studies Association Yearbook Series* (pp. 14-28). Polity Press, 544.
- Marginson, S., & Rhoades, G. (2002). Beyond national states, markets, and systems of higher education: A glonacal agency heuristic. *Higher Education*, 43(3), 281-309.
- Millot, B. (2015). International rankings: Universities vs. higher education systems. *International Journal of Educational Development*, 40, 156-165. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2014.10.004>
- Oyneniran, R., & Uwamahoro, E. (2017). Impacts of Reforms in Chinese Educational System. *Educational Journal of Education*, 9(1), 30-48. <https://doi.org/10.5296/ije.v9i1.10495>
- Vissema, J. (2016). *University of the third generation*. Olimp-Business.

Wit, H. (2020). Internationalization of Higher Education: the Need for a More Ethical and Qualitative Approach. *Journal of International Students*, 10(1), I-IV. <https://doi.org/10.32674/jis.v10i1.1893>

References

- Acharya, A. (2018). Role of Global South in the Multiplex World. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya [Vestnik RUDN. International Relations]*, 18(3), 701-705. <https://10.22363/2313-0660-2018-18-3-701-705> (In Russ.)
- Altbach, P. G. (2015). Perspectives on internationalizing higher education. *International Higher Education*, 27, 6-8. <https://doi.org/10.6017/ihe.2002.27.6975>
- Andreeva, E. L., Ratner, A. V., & Malysheva, E. V. (2019). Standards' globalization as a development factor of "the markets of the future". *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik [Russian Foreign Economic Journal]*, 6, 7-18. (In Russ.)
- Arzhanova, I. V. (2011). European Union and New Approach to Internationalization of Higher Education. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Istoriya Rossii» [RUDN Journal of Russian History]*, 4, 98-109. (In Russ.)
- Asmyatullin, R. R. (2022). *Mirovoy rynek obrazovatelnykh uslug: tendentsii i strategii universitetov [The world market of educational services: trends and strategies of universities]*. Moscow: RUDN. (In Russ.)
- Beliaeva, V. S. (2022). On the changing vector of internationalization of higher education. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal [International Research Journal]*, 12. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.126.73> (In Russ.)
- Beliaeva, V. S., & Frolova, E. D. (2021). From 'Candidates' to 'Grandmasters': internationalization strategies of universities. *R-Economy*, 7(4), 266-275. <https://doi.org/10.15826/recon.2021.7.4.023>
- Beregovaya, O. A., & Kudashov, V. I. (2019). Internationalization of higher education in the context of globalization. *Perspektivy nauki i obrazovaniya [Perspectives of Science and Education]*, 3(39), 31-43. <https://10.32744/pse.2019.33> (In Russ.)
- Beydina, T. E. (2017). Assessment of the PR China Development as the Likely World Leader. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie [The Bulletin of Irkutsk State University. Series «Political Science and Religion Studies»]*, 22, 165-170. (In Russ.)
- Bodrunov, S. D., & Glazyev, S. Yu. (2023). *Zakonomernosti formirovaniya osnov noonomiki kak gryadushchego obshchestvennogo ustroystva: znat i deystvovat [Regularities of the Noonomy Foundations Formation as Future Social Order: To Know and Operate]*. St. Petersburg: S. Y. Witte INID, 239. (In Russ.)
- Braudel, F. (1984). *Civilization and Capitalism, 15th-18th Century. Vol. III: The Perspective of the World*. New York: Harper & Row, 699.
- Braudel, F. (2022). *Grammar of civilizations [Grammatika tsivilizatsiy]*. Trans. M.: Alma Mater IG. (In Russ.)
- Douglass, J. A. (2014). *Profiling the Flagship University Model: An Exploratory Proposal for Change the Paradigm from Ranking to Relevancy*. Research & Occasional Paper Series, Centre for Studies in Higher Education, University of California, Berkeley.
- Etzkowitz, H., & Dzisah, J. (2008). Rethinking development: circulation in the triple helix. *Technology Analysis & Strategic Management*, 20(6), 653-666. <https://doi.org/10.1080/09537320802426309>
- Grinin, L. E. (2012). The Chinese model and prospects for China's leadership in the world. *Vek globalizatsii [Age of Globalization]*, 2(10). <https://www.socionauki.ru/journal/articles/147953/> (In Russ.)
- Held, D., McGrew, A., Goldblatt, D., & Perraton, J. (2000). *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. In: C. Pierson, S. Tormey (Eds.), *Politics at the Edge. Political Studies Association Yearbook Series* (pp. 14-28). Polity Press, 544.
- Kleiner, G. B. (2020). Spiral Dynamics, System Cycles and New Organizational Models: Pearlescent Enterprises. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta [Russian Management Journal]*, 18(4), 471-496. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2020.401> (In Russ.)
- Lebedeva, L. F., & Aksenov, P. A. (2022). Global competition in new technology realities. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika [International trade and trade policy]*, 8(2), 31-39. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2022-2-31-39> (In Russ.)
- Lenchuk, E. B. (2021). Russia in the Global Process of Scientific and Technological Development. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo [Outlines of global transformations: politics, economics, law]*, 4, 72-91. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-4-5> (In Russ.)
- Maltsev, A. A. (2022). *Globalnye tekhniko-ekonomicheskie vyzovy sovremennosti: riski i vozmozhnosti dlya promyshlennosti Urala [Global technical and economic challenges of modernity: risks and opportunities for the industry of the Urals]*. Ekaterinburg: Alfa-Print Publishing House, 358. (In Russ.)
- Marginson, S., & Rhoades, G. (2002). Beyond national states, markets, and systems of higher education: A glonacal agency heuristic. *Higher Education*, 43(3), 281-309.
- Millot, B. (2015). International rankings: Universities vs. higher education systems. *International Journal of Educational Development*, 40, 156-165. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2014.10.004>
- Oyneniran, R., & Uwamahoro, E. (2017). Impacts of Reforms in Chinese Educational System. *Educational Journal of Education*, 9(1), 30-48. <https://doi.org/10.5296/ije.v9i1.10495>

Pavlov, P. V., & Zashitina, E. K. (2020). World-class university in the era of digitalization. *Vestnik RUDN. Seriya ekonomika [RUDN Journal of Economics]*, 28(4), 681-699. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-681-699> (In Russ.)

Stukalova, I. B., Manakhov, S. V., Ryzhakova, A. V., Selyanskaya G. N., & Stukalova, A. A. (2016). *Finansovoe obespechenie konkurentosposobnosti Rossiyskikh vuzov [Financial support for the competitiveness of Russian universities]*. Moscow: Ruscience. <https://doi.org/10.15216/978-5-4365-1503-8> (In Russ.)

Vissema, J. (2016). *University of the third generation*. Olimp-Business.

Voloshina, A. V. (2022). The US-China Relations and the Struggle for Global Technological Supremacy. *SShA i Kanada [USA & Canada]*, 8, 36-50. <https://doi.org/10.31857/S268667302208003X> (In Russ.)

Wit, H. (2020). Internationalization of Higher Education: the Need for a More Ethical and Qualitative Approach. *Journal of International Students*, 10(1), I-IV. <https://doi.org/10.32674/jis.v10i1.1893>

Информация об авторах

Пономаренко Елена Васильевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой политической экономии им. В. Ф. Станиса, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; <https://orcid.org/0000-0003-3181-507X>; Scopus Autor ID: 57191415307; Researcher ID: D-8088-2019 (Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; e-mail: elponomarenko@yandex.ru; ponomarenko_ev@pfur.ru).

Фролова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры международной экономики и менеджмента, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0002-7176-4441>; Scopus Author ID: 56434195800; Researcher ID: S-4698-2016 (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира 19; e-mail: frolov-ued@yandex.ru).

Беляева Виктория Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, директор департамента международных отношений, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; <https://orcid.org/0000-0001-6118-4286>; Scopus Author ID: 57200228796; Researcher ID: CLQ-9837-2022 (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51; e-mail: v.s.belyaeva@urfu.ru; Victoria.beliaeva@gmail.com).

About the author

Elena V. Ponomarenko — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Vladimir Stanis' Department of Political Economy, RUDN University; <https://orcid.org/0000-0003-3181-507X>; Scopus Author ID: 57191415307; Researcher ID: D-8088-2019 (6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: elponomarenko@yandex.ru; ponomarenko_ev@pfur.ru).

Elena D. Frolova — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Academic Department of International Economics and Management, Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-7176-4441>; Scopus Author ID: 56434195800; Researcher ID: S-4698-2016 (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: frolov-ued@yandex.ru).

Victoria S. Beliaeva — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Academic Department of Management, Director of the School of International Relations, Ural Federal University; <https://orcid.org/0000-0001-6118-4286>; Scopus Autor ID: 57200228796; Researcher ID: CLQ-9837-2022 (51, Lenina St. Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: v.s.belyaeva@urfu.ru; Victoria.beliaeva@gmail.com).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 17.07.2023.

Прошла рецензирование: 14.09.2023.

Принято решение о публикации: 21.12.2023.

Received: 17 Jul 2023.

Reviewed: 14 Sep 2023.

Accepted: 21 Dec 2023.